

Юрий Москаленко

Николай Зарудин: почему поэту так и не дали сказать правду?

3 октября 1899 года, 110 лет назад, в Пятигорске, в семье Николая Эдуардовича Эйхельмана, этнического немца, родился сын, которого назвали в честь отца. С юных лет Николай младший очень любил природу, и это чувство он сохранит до конца жизни. По большому счету, желание поведать миру о том, как прекрасна Земля, и сделало из Николая поэта.

Но до гармонии в этом мире было куда как далеко! С началом Первой мировой войны сослуживцы и просто знакомые начали поглядывать на немца Эйхельмана с большим подозрением. Чтобы не подставлять семью, Николай Эдуардович вынужден был сменить фамилию и стать Зарудиным. Кстати, о немецких корнях поэта знали очень немногие знакомые Николая Николаевича.

К тому времени Зарудины давно уже жили в Нижнем Новгороде, где юный Николай учился в первой мужской гимназии. Однажды с двумя своими друзьями он начал выпускать рукописное периодическое издание «Любитель природы. Журнал, издаваемый бродягами-натуралистами-охотниками». И уже первый опус из этого журнала привлек к себе внимание читателей хотя бы названием: «Прошлое выходит на четырех лапах». Кстати, этот образ Николай Зарудин скопировал в своем единственном романе «Тридцать ночей на винограднике», вышедшем в 30-е годы. Журнал просуществовал до 1917 года и его выпуск был прекращен только из-за того, что начавшаяся революция «разметала» друзей по стране. Но один из них — всю жизнь проработает охотоведом на Волге, второй станет профессором МГУ, известным зоологом, писателем и художником-анималистом, а третий — Зарудин — тоже оставит свой след в истории, но об этом чуть ниже.

Итак, журнал распался в 1917 году, а спустя несколько месяцев юный комиссар 18-летний Николай Зарудин уже принимает участие в боях с белогвардейцами. Юношеский максимализм стал причиной того, что парень в то время во всем старался подражать первому председателю Революционного военного совета РСФСР-СССР Льву Троцкому, а из-за этого у него не могли не возникнуть разногласия с настоящими большевиками-ленинцами, которые все больше и больше оказывались под влиянием «верного соратника» Ильича Иосифа Сталина.

Революционные ветры занесли комиссара-троцкиста в Смоленск, где он начал публиковать свои стихи в газете «Рабочий путь». Здесь собралось достаточно много молодых людей, в которых революция пробудила дух поэзии. Так что в различных литературных объединениях недостатка не было. Зарудин поучаствовал в нескольких — «Кухня поэта», «Арена» и других. А названия сборников и поэм у этих энергичных ребят были на загляденье: «Кукиш сердца», «Оранжевый колорит». И Зарудин смотрелся очень органично, выпустив сборник «Вишневый снег», который потомки так безжалостно превратили в «Вишневый снег» (под таким названием он и проходит в некоторых современных энциклопедиях).

Но пора переходить и к стихам, чтобы получить представление о поэте? Например, это:

Весна пронеслась мимо жизни, как поезд,

Как стекла и цепи, и грохот и слава...

Осталась за насыпью дымная повесть,

Во сне одуванчик, столбы и канава.

Обтаяли елки смолою на лапах,

Рассохлась сторожка. Со скатов пологих

Трава затаила волнение и запах

Песка и мазута железной дороги.

Ушли облака с пассажирским. У линий

Лишь сторож с рожком, довольствуясь малым,

Глазел, как с билетом воздушным и синим:

Какая-то юность уходит по шпалам.

Мне кажется, что я еще не встречал такого образа: «Какая-то юность уходит по шпалам». Наверное, все это было навеяно послевоенным восстановлением страны — у того же Николая Островского спустя четыре года центральной осью знаменитого романа «Так закалялась сталь» станет железная дорога с упорными комсомольцами, укладывающими шпалы, которые ложатся с такими болью и кровью.

Но вернемся к Николаю Зарудину. Здесь же, в Смоленске, он женился, у них с супругой Верой Петровной родилась дочь Верочка. Прокормить семью было легче в Москве, куда поэт вскоре и перебрался. Впрочем, на это были и свои особые причины — его пригласил в столицу Александр Константинович Воронский, который уже задумывал создать литературное объединение «Перевал». Воронскому Зарудин верил, поговаривали, что они почти одновременно примкнули к «троцкистам».

Скорее всего, именно Воронский поспособствовал тому, что молодой советский поэт и писатель Николай Зарудин получил жилье в многоэтажном «доме-большевике» на Арбате. Дом был знаменит тем, что здесь в революционные годы грелись от зимней стужи красногвардейские отряды, и в квартире Зарудина на паркетном полу навсегда остались следы, прожженные печкой-буржуйкой. Сейчас это кажется удивительным, как простой парень мог получить жилье на Арбате, но разгадка проста — Воронский был лично знаком с Лениным, дружил с Марией Ильиничной Ульяновой, «Маняшей» — любимой сестрой вождя.

Группа «Перевал» была достаточно многочисленной. Достаточно вспомнить литераторов Эдуарда Багрицкого, Артема Веселого, Михаила Светлова, Бориса Губера, Ивана Катаева, Андрея Платонова, Михаила Пришвина, Анну Караваеву и других. Группа ставила перед собой цель — сохранить и приумножить лучшие традиции русской классической литературы. Это получалось до поры до времени, пока не оказалось, что без «славословия» в адрес тов. Сталина советская литература существовать не может! Нужно либо было петь осанну, либо оставаться на обочине жизни. Кто-то сумел перестроиться и заслужить «респект» у вождя, другие решили не ломать себя через колено. Но еще в 1927 году Николай Зарудин почувствовал: добром для «непокорных» это все не закончится:

Пришли, увели, расстреляли,

Зарыли в покинутом рву.

А мы-то прошли и не знали

Кто мял здесь глухую траву.

Не знали, что юность и глина,

И слезы — одно для лопат.

Все было — как сон: карабины,

Погоны и лица солдат.

Далеко во рву затерялся

Отрывистый треск и дымок.

Так долго звенел и трепался

Над ямой степной ветерок.

А мы-то здесь праздником вешним

Прошли и не знали... В логу

Так пусто. Сияли черешни

С припека в кудрявом снегу.

Но тогда, в 1927 году, грозные раскаты предстоящих бурь, слышались еще довольно глухо. Хотя и Воронский, и Зарудин в это время и были исключены из партии. На какое-то время Николай Николаевич решил «уйти в природу» — многие его стихи, и тем более проза, были посвящены вроде бы «отвлеченным» от политики вещам, но все равно, нет-нет да проявлялись нотки «несогласия». Так даже во вроде бы безобидном стихотворении «На глухаря» чувствуется мрачноватый динамизм ситуации и принцип, который проповедовала сама жизнь — сильный всегда прав!

НА ГЛУХАРЯ

У сосен — трех черных сестер

Легла Глухарина Грива.

Забытый лесной разговор

Костер начинает лениво.

Пищат в полусне угольки

Над грудю колкого жара,

Мигают багрово пеньки

Из тьмы, непролазнее вара.

Уж месяц в болоте сгорал.

Мутнели еловые вешки.

И глухо сапог раскидал

Кровавые сны — головешки.

Ни зги, ни просвета, ни слов,

Лишь звезды мигают, как раньше,

И вдруг — над стеною лесов

Хрипит и проносится вальдшнеп.
Простонет, пробьется бекас —
Нет сумрака глуше у бора,
Тропинка — ведущая нас,
И шорох — ясней разговора.
Весенняя серая ночь
Вся в шорохе влажном и росном.
Я звезд не могу превозмочь,
Мигающих в сумрачных соснах.
Но миг — и от солнечных сил,
Из ночи, из черного ада,
Как грохот от каменных крыл,
Захлопала в соснах громада.
Качнулась дремучая старь,
Колющее солнце дымило.
Бормочет, скрежещет глухарь,
Косматая щелкает сила.
Уж ей тишина не дана,
Две песни даны ей на милость
И грянул огонь. Тишина
Вдруг ахнула — покатилась.
Сквозь хвойные лапы и дым
Катилась и билась в падучей,
А мертвая тяжесть с вершин
Цеплялась за грузные сучья.
Белеют за речкой лога
Заря! — и на кочках краснея,
За ней по следам лесника
Глухарья волочится шея.
На тропке оленьего мха

Дымятся брусничные брызги.

Избушка! О крик петуха!

О жизнь! О собачие взвизги!

О «собачьих взвизгах» тоже пророческие слова. Уже в 1930 году в «Комсомольской правде» выходит статья под названием «Непогребенные мертвецы»: «В эпоху величайшей исторической ломки, в эпоху социалистической реконструкции и ликвидации на основе коллективизации кулачества как класса, в период обостренной классовой борьбы, — цветет и еще пользуется общественной поливкой махровая аполитичность обывательской литературы. Политические ренегаты, любители бабушкиных сказок, бледные рыцари, тоскующие по старине, по дядиным мезонинам и тетиним наколкам, певцы медвежьих берлог умирающих вальдшнепов, дышащие помещичьим пафосом охоты, декларирующие внеклассовую искренность и гуманизм, составляют ядро и основу группы „Перевал“, которая осмеливается называть себя революционной».

Зарудин не сдаётся, в одной из своих статей, середины 30-х годов, Николай Николаевич пытается «докричаться»:

«Сейчас недаром вожди произносят речи. Сталин и Каганович поняли, что если еще немного так обращаться с людьми, как раньше, то вместо социалистического человека получится собрание запуганных гоголевских Акакиев Акакиевичей. Люди в угодничестве и подхалимстве дошли до того, что готовы буквально предать родного брата, друга, лишь бы не трогали. В литературе это достигло предела... В этом году предательство будет на первом плане, в особенности в политической среде. Если раньше человек, выдвигавшийся из мужиков, был ужасен, то сейчас многие еще хуже. Людей губит политиканство. Рабочие или колхозники, попадая в городе на положение руководителей, делаются более злостными бюрократами, чем старые чиновники. Мы начинаем жить так напоказ, что настоящие души людей перестаем видеть, а я утверждаю, что люди живут темно и непонятно. Из писателей мы все мало-помалу превращаемся в сочинителей. И в этом основная беда».

Это был вызов! Многие предсказывали, что дни «Перевала» уже точно сочтены. Но Сталин любил держать людей в нервном напряжении. Только 1 февраля 1937 года арестован Александр Воронский, затем — Иван Катаев, и, наконец, 20 июня — Зарудин. Все они были подписаны к репрессии по первой категории (расстрел) в списке «Москва-центр» от 10 августа 1937 года. Всего в этом списке была 81 фамилия. В ночь с 13 на 14 августа Зарудин был расстрелян. Такая же участь постигла Александра Воронского, Бориса Губера, Ивана Катаева и всех остальных из списка. А 28 октября были арестован Артем Веселый и Борис Пильняк. Но об этом я уже рассказывал...

Автор: Юрий Москаленко

Источник: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/31193/>

© Shkolazhizni.ru